

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О РОЛИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА В ПРАВОСЛАВНОМ МИРЕ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕГОВОРОВ С ПАТРИАРХОМ МЕЛЕТИЕМ IV (МЕТАКСАКИСОМ) ОБ АВТОКЕФАЛИИ ПОЛЬСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1922–1923 ГОДЫ)

© 2020 г. А.А. Чибисова

Сотрудник лаборатории исследований церковных институций ПСТГУ

aachibisova@mail.ru

Статья посвящена интерпретации роли Константинопольского патриархата в православном мире правительством Второй Речи Посполитой в связи с его попытками получить согласие Константинопольского патриарха Мелетия IV (Метаксакиса) на автокефалию Польской православной церкви, провозглашенной в июне 1922 г. Константинопольский патриархат стремился использовать польский вопрос для реализации разработанной им программы реорганизации патриархата в административный центр мирового православия. Однако неготовность сторон к компромиссу в конечном итоге привела к задержке издания томоса об автокефалии Польской церкви, которое могло произойти уже в 1923 г. Исследование основывается на архивных документах, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Article is devoted to the interpretation of the role of the Patriarchate of Constantinople in the Orthodox world by the government of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth in connection with his attempts to receive the consent of the Patriarch of Constantinople Meletius IV (Metaxakis) for the autocephaly of the Polish Orthodox Church, proclaimed in June 1922. The Patriarchate of Constantinople sought to use the Polish question to implement its program of reorganizing the Patriarchate of Constantinople into the administrative center of world Orthodoxy. However, the unwillingness of the parties to compromise ultimately led to a delay in the publication of the Tomos of autocephaly of the Polish Church, which could have happened already in 1923. The study is based on archival documents, many of which are first introduced into scientific circulation.

Ключевые слова: Польская православная церковь, Константинопольский патриархат, Московский патриархат, Польша, автокефалия, «православный Ватикан», первенство в церкви, Мелетий (Метаксакис).

Keywords: Polish Orthodox Church, Patriarchate of Constantinople, Moscow Patriarchate, Poland, autocephaly, «Orthodox Vatican», primacy in the Church, Meletius (Metaxakis).

DOI: 10.31857/S0869544X0011095-7

Колоссальные изменения в международной политической системе, вызванные Первой мировой войной, не могли не сказаться на судьбе православной Церкви. Государства Восточной Европы, возникшие на руинах Российской империи, начали выстраивать собственную политику в отношении продолжавших существовать на их территории структур Русской православной церкви, пытаясь в первую очередь добиться их полной независимости от Московского патриархата. По итогам Версальского мирного договора 1919 г. на карту Европы вернулась Польша. Организация свободного от внешнего влияния управления Польской православной церковью стало одной из важных задач внутренней политики нового государства. В ходе совещаний, проходивших в 1919–1920 гг., польскому правительству удалось разработать проект, который подразумевал не объявление новой автокефалии, а возобновление прежнего фактически независимого существования православной Церкви, восходившего ко временам польско-литовского государства. Согласно этому проекту, автокефалию должен был провозгласить собор православных епископов, проживающих в границах Второй Речи Посполитой, с ее последующим признанием Константинопольским патриархатом.

Идея обращения именно в Константинополь была впервые озвучена Министерством религиозных исповеданий и народного образования Польши (МРИиНО) в письме от 12 ноября 1919 г., направленном министру иностранных дел, министру внутренних дел и генеральному комиссару Гражданского управления Восточных земель. МРИиНО отметило, что польские короли неоднократно предпринимали усилия по созданию независимой Церкви, всегда начиная их с переговоров со Вселенской патриархией. По этой причине министерство придерживается позиции, что «вопрос создания самоуправляющейся Церкви надлежит провести по соглашению с Константинопольским патриархом» [1. Sygn. 960. К. 47].

В начале 1920-х годов Константинопольский патриархат находился на грани исчезновения, в его прямой юрисдикции осталось всего несколько епархий в окрестностях бывшей османской столицы с немногочисленной паствой. Однако в православном мире традиционным продолжало оставаться признание за Фанаром первенства чести. В период предварительного обсуждения проблемы автокефалии Польской церкви в 1919–1920 гг., а также в 1921 г., когда начались переговоры с Константинопольским патриархатом, представления польского правительства о его роли в православном мире в целом отвечали сложившейся традиции.

В 1920 г. состоялись две конференции при участии представителей Министерства иностранных дел (МИД) Польши, МРИиНО, Гражданского управления Восточных земель и Гражданского управления Волыни и Подолья [1. Sygn. 1003. К. 1]. В качестве эксперта по каноническому праву был приглашен профессор Львовского университета В. Абрахам, признанный польский специалист по истории Церкви. По мнению участников дискуссии, Константинопольский патриархат, «этот ветхий Рим для православия (т.е. с теми же полномочиями, что и Римский престол в католическом мире. — А.Ч.), формально, в силу своего верховенства, вынужден был давать задним числом свое одобрение» [1. Sygn. 960. К. 386] на последующее отделение от патриархата территорий, на которых силой решения местного духовенства создавалась независимая Церковь. В отчете МРИиНО по поводу итогов конференций отмечено, что, несмотря на ничтожное в настоящий момент положение патриарха

в Константинополе, который фактически не имеет ни территории, ни пасты, его духовная власть по традиции все равно окружена особым ореолом [1].

Все вышеперечисленные мероприятия, проходившие в 1919–1920 гг., во многом носили подготовительный характер. Урегулированию положения Польской церкви мешало отсутствие ясности в вопросе восточных границ государства. Реальный сдвиг в церковном вопросе произошел только после заключения Рижского мирного договора между Польшей и советскими Россией и Украиной 18 марта 1921 г. В мае того же года министр исповеданий М. Ратай в письме к МИД вновь озвучил идею, что существующую зависимость Польской церкви от Московского патриархата можно исключить только путем введения церковного управления на основах автокефалии. Министр считал желательным обратиться через дипломатического представителя к православному патриарху в Константинополе и получить от него письменное благословение на создание самоуправляемой Церкви в Польше [1. Sygn. 1003. К. 14].

14 мая 1921 г. представитель Делегации правительства Речи Посполитой при Высокой Порте в Стамбуле Витольд Йодко-Наркевич встретился с местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Кесарийским Николаем (Саккопулосом) [1. Sygn. 1003. К. 16]¹. Основной темой беседы стала правомочность решения 1686 г. о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату. Согласно донесению польского дипломата, местоблюститель пригласил его на аудиенцию, чтобы дать рекомендации, какого пути необходимо придерживаться для создания самостоятельной Церкви в Польше. Он предлагал «обратиться к патриарху с прошением, в котором было бы сказано, что Польская Церковь в свое время принадлежала к независимой от Москвы Киевской митрополии, и что только позднее московские цари уничтожили Киевскую митрополию, перевели польских православных под свою власть, и теперь православные Польского государства снова желают независимости и создания собственной митрополии» [1]. Полноценные переговоры пришлось отложить до выборов константинопольского патриарха, которые были намечены на июнь 1921 г.

Однако им было не суждено состояться. С одной стороны, патриарх в то лето так и не был избран, а с другой – у польского правительства стали возникать сомнения относительно правомерности обращения в Константинополь с канонической точки зрения, так как Польская православная церковь, в отличие от Православных церквей Восточной Европы, находилась в юрисдикции Московского патриархата, а не Константинопольского. Помимо этого, восточные границы Польши до 1923 г. не были признаны Антантой, поэтому выделение Православной церкви в Польше в самостоятельную могло породить ненужные трения с великими державами, особенно с Францией, где эмиграция из России имела определенное влияние.

После неудачных переговоров В. Йодко-Наркевича в Стамбуле позиция польского правительства относительно роли Константинопольского патриархата в православном мире претерпела существенные изменения. Если в мае 1921 г. министр исповеданий Ратай еще писал о необходимости обратиться за благословением автокефалии к патриарху в Константинополе, поскольку он, принимая во внимание историческое значение патриархата для всей Восточной церкви, «и сейчас имеет большое значение в православном мире» [1. Sygn. 1003. К. 14], то уже в июне-августе 1921 г., как отметил позже в инструкции,

¹ Об этом событии сообщала греческая церковная периодика [2. Σ. 143; 3. Σ. 2]

выданной польскому дипломату в Стамбуле В. Барановскому, министр иностранных дел Г. Нарутович, польское правительство озабочилось вопросом, будет ли благословение Константинопольского патриарха, данное новообразованной Церкви, отпадающей от Московского патриархата, каноничным и предохранит ли от объявления Московским патриархатом Польской церкви схизматической. Так же как открытым оставался вопрос, признали ли бы другие Церкви польскую автокефалию, провозглашенную таким образом. Польское правительство пришло к пониманию, что получение большинством существующих автокефальных Церквей благословения на независимое существование от Константинопольского патриархата свидетельствует лишь о том, что все эти Церкви отделялись именно от него [1. Sygn. 881. К. 56].

Ввиду скудности источниковой базы сложно ответить на вопрос, чем была вызвана такая быстрая перемена представлений польского правительства о том, кто должен утверждать автокефалию. Большое количество аналитических записок, касающихся проблемы автокефалии, подготовленных МРИиНО в период 1920–1922 гг. (см., например [1. Sygn. 960. К. 92, 418; Sygn. 1001. К. 250]), позволяет говорить об активной работе экспертов, привлеченных к исследованию проблемы. Возможно, именно подробное изучение темы православной автокефалии повлияло на разворот польского правительства в сторону канонического способа получения церковной независимости в Москве. Вопрос о самом факте наличия, а также о составе и принципах работы экспертной группы, которая функционировала в начале 1920-х годов остается открытым и должен стать предметом специального исследования.

Идея обращения в Константинополь стала еще менее актуальной, когда бывший архиепископ Минский Георгий (Ярошевский), которого польское правительство рассматривало как кандидата на пост предстоятеля Польской церкви, принял предложение о сотрудничестве и поддержал идею автокефалии при условии согласия на нее польского православного епископата (это согласие он обещал изыскать самостоятельно) и московского патриарха Тихона (Беллавина). Очевидно также, что и неурегулированность положения самого Константинопольского патриархата (в Варшаву приходили регулярные отчеты о его текущем положении в Турции (см., например [1. Sygn. 882. К. 5; Sygn. 1005. К. 132, 144])) добавили сомнений в возможности получить автокефалию в Константинополе. Ввиду опасности схизмы, а также ввиду отсутствия действующего Константинопольского патриарха польскому правительству оставался единственный приемлемый путь – начать переговоры в Москве.

На фоне этих изменений идея провозглашения автокефалии на соборе епископов эволюционировала к идее созыва Поместного собора с участием делегатов от духовенства и православного населения Польши для обсуждения организационного устройства Польской церкви. В письме от 22 июня 1921 г. к председателю Реевакуационной комиссии, которая должна была отправиться в Москву и фактически стать первым представительством Польши в Советской России, Министерство исповеданий сообщало, что, несмотря на то, что нет никаких канонических или догматических препятствий для объявления независимости Польской православной церкви, польское правительство не хочет подвергнуть высших иерархов православной Церкви обвинениям в учинении раскола в случае провозглашения ими церковной независимости [1. Sygn. 1003. К. 77–78]. МРИиНО просило председателя Комиссии переговорить в Москве с митрополитом Серафимом (Чичаговым), чтобы тот изыскал благословение и согласие московского патриарха Тихона на оглашение на Поместном соборе

в Варшаве автокефалии Польской православной церкви. Митрополит Серафим (Чичагов) был назначен на Варшавскую и Привислинскую кафедру в сентябре 1918 г., но политические обстоятельства сделали невозможным его отъезд во вверенную ему епархию. В результате польские власти не признали назначения митрополита Серафима. В начале переговоров в Москве по вопросу автокефалии польское правительство планировало заручиться его поддержкой, пообещав, в случае благоприятного исхода дела признать его назначение на Варшавскую и Привислинскую кафедру. Но, столкнувшись с несговорчивостью патриарха Тихона и митрополита Серафима, поляки очень быстро отказались от созыва Поместного собора. Очевидно, в Варшаве боялись, что участие в соборе мирян обеспечит противникам автокефалии массовую поддержку, что помешает реализации проекта церковной независимости.

В итоге польские власти вернулись к идее провозглашения автокефалии на соборе православных епископов Польши с ее дальнейшим признанием через другую Церковь. Признание со стороны любой Церкви уже спасало от схизмы, так как переводило вопрос в межцерковную политику, а сам маневр польские власти оправдывали отсутствием Поместного собора как института в канонических нормах². При поддержке властей в 1922 г. состоялись три архиерейских собора (подробнее о соборах епископов, проходивших в 1922 г., см. [5. С. 106–111; 6. С. 34–37; 7. С. 112–114]). На третьем из них, прошедшем в Варшаве 14 июня 1922 г., вскоре после ареста патриарха Тихона, было принято решение о готовности епископов работать на началах автокефалии при условии, что польское правительство добьется благословения константинопольского и других патриархов, в том числе московского, если тот вернется к исполнению своих обязанностей. После июньского собора МРИиНО утвердилось во мнении, что собор оформил автокефалию de-facto, а de-jure она должна была настать после получения благословения из Константинополя.

Осенью 1921 г. на Патриарший престол был избран Мелетий IV (Метаксакис). Его избрание происходило с явными нарушениями: в самой процедуре выборов участвовало меньшинство епископата и членов избирательного собрания, что вызвало немалый скандал. Греческое правительство, пытавшееся помешать избранию Мелетия, обвинявшегося в Греции в учинении раскола, не только не признало результатов выборов, но и утвердило в декабре 1921 г. решение Священного синода Элладской церкви об извержении Мелетия из священного сана. Султанское правительство также отказалась признавать избрание патриарха, объясняя это тем, что оно состоялось в нарушение действующего законодательства. В результате положение Мелетия оказалось достаточно шатким. Все это поставило перед патриархом задачу укрепить собственную власть и позиции патриархата в Турции. Сразу по прибытии в Константинополь Мелетий IV приступил к реализации разработанной им программы

² Польское правительство объявило, что «37 Апостольское Правило признает Собор епископов как единственную каноническую инстанцию в делах наивысшей для Церкви важности. В этом духе высказались и Вселенские Соборы (I Вселенский Собор, правило 5, IV Вселенский Собор, правило 19, VII Вселенский Собор, правило 6)» [1. Sygn. 960. К. 96; Sygn. 1001. К. 250]. В одной из аналитических записок МРИиНО автор указал, что соборы с участием клира и мирян как нельзя лучше отвечают духу демократических времен, но, однако, не являются канонически признанными для принятия решений в таких важных для Церкви вопросах, как автокефалия [1. Sygn. 1001. К. 251]. Эту же позицию спустя год высказал в своем интервью министр исповеданий Ю. Микуловский-Поморский. Он сказал, что древнейшие каноны православной Церкви признают только за епископами решающую власть в церковных вопросах, а собор с участием мирян и низшего духовенства носил в прошлом лишь характер совещательного органа при соборе епископов [4. С. 9].

реорганизации Константинопольского патриархата в административный центр мирового православия (подробнее см. [8. С. 36–53; 9. Р. 283–302]). Превращение патриархата в высшего арбитра в православном мире должно было повысить его влияние на международной арене на случай неблагоприятного исхода, вызванного неурегулированностью положения патриархата в Турции.

Инструкция, выданная представителю делегации правительства Речи Посполитой при Высокой Порте в Стамбуле В. Барановскому в июле 1922 г., хорошо демонстрирует, что к началу переговоров в Фанаре польские власти подошли, имея весьма четкую позицию относительно положения Константинопольского патриархата и его роли в православном мире. В ходе переговоров с патриархом Мелетием эта позиция окончательно выкристаллизовалась. Первое, на что поляки планировали сделать ставку, обращаясь за благословением в Константинополь, это слабость патриархата и падение его авторитета, вызванные внутренними неурядицами и участием в политических событиях рубежа 1910–1920-х годов. Обращение в Константинополь польское правительство стремилось представить не как просьбу, а как взаимовыгодное сотрудничество, от которого Константинопольский патриархат получал возможность упрочить и формально подтвердить свое первенство в православном мире. При этом важно отметить, что, несмотря на признание существующей в православии традиции первенства чести, польское правительство не считало Константинопольский патриархат единственно возможной инстанцией для получения благословения. На разных этапах переговоров поляки рассматривали в качестве альтернативы Румынскую и Сербскую православные церкви, а также другие Восточные патриархаты.

Переговоры в Фанаре начались летом 1922 г. Барановскому было поручено обратиться к патриарху Мелетию, представить ему решение собора от 14 июня 1922 г. и осторожно обсудить с ним условия признания автокефалии. В инструкции, выданной Барановскому, особо отмечалось, что, следуя историческим примерам, за благословение необходимо будет вручить патриарху как дар правительства некоторую крупную денежную сумму, размер которой он должен был обсудить с патриархом [1. Sygn. 881. K. 55]. Министр иностранных дел Нарutowич просил дипломата проявить осторожность при обсуждении с патриархом денежного вопроса, изучив параллельно возможность замены его какими-нибудь моральными услугами, например, посредничеством польского правительства в признании патриарха султанским правительством. «Для Вселенского Патриарха наше обращение о налаживании близких отношений имело бы, несомненно, большое значение, так как создало бы для него уже некоторый правовой прецедент его признания, снова подняло бы ту важность патриархата, которая пошатнулась недавней внутренней борьбой, — писал Нарutowич. — Это стало бы утверждением принципа, что Патриарх Константинопольский является первым в мире, имеющим непреходящие права, которые он мог бы вновь обрести при счастливом для себя стечении обстоятельств и при доброй воле других» [1. Sygn. 881. K. 60]³.

Барановский вступил в контакт с Мелетием IV в августе 1922 г. Первая встреча носила общий характер, а во время второй встречи, которая состоялась 15 августа 1922 г., дипломат передал патриарху решение июньского собора

³ «Byłoby to stwierdzeniem zasady, że Patrjarchat Konstantynopolitański jest pierwszym w świecie, mającym swe nieprzedawnione prawa, które mógłby odzyskać przy szczęśliwym dla siebie zbiegu okoliczności i przy dobrej woli innych»

епископов и сопутствующие документы⁴ и попросил признания автокефалии со стороны Константинополя [1. Sygn. 881. К. 95]. Но патриарх не стал читать документы. Он сразу же повел разговор на тему давних отношений Польской православной церкви и Константинопольского патриархата, сообщив, что специально изучил этот вопрос. Мелетий IV выразил желание, чтобы прерванные исторические отношения были возобновлены и чтобы Польская церковь вновь вошла под духовную опеку Фанара, поскольку духовные институты требуют высшего авторитета, так же как его требуют государственные организации. В. Барановский оказался не готов к такой беседе. Относительно исторических связей Польской церкви и Константинопольского патриархата он ограничился тезисом, известным ему, по всей видимости, еще со времен переговоров В. Йодко-Наркевича в мае 1921 г. Дипломат заявил, что Польская церковь, зависевшая в свое время от Киева⁵, была действительно бесправно втянута под управление Москвы, но лично он уполномочен затронуть в переговорах с патриархом вопрос автокефалии только в контексте решений варшавского собора. Тогда патриарх пожелал, чтобы духовные власти Польши обратились к нему напрямую, представив всю ситуацию и высказав свои требования. В ответ Барановский попросил патриарха все же прочесть текст резолюции собора, который уполномочил польское правительство вести переговоры напрямую с Фанаром. Патриарх любезно согласился. После прочтения резолюции он удивился наличию подписей всего лишь трех епископов⁶, что вынудило его поинтересоваться составом собора, а также мнением остальных иерархов Польской церкви. Патриарх Мелетий заявил, что должен войти в непосредственный контакт с ними, а также исследовать настроение и положение православных масс на месте, и предложил выслать в Польшу специально назначенного делегата. Барановский не решился обсуждать этот вопрос без консультаций с польским МИД. В рапорте от 22 августа 1922 г. он, докладывая о трудностях, которые возникли при переговорах, сообщил, что патриарх Мелетий, чье положение очень шатко, ориентируется на собственные амбиции и стремится к усилению и возвышению Фанара. «В этой связи предложение “выкупа” (okup) видится мне второстепенным» [1. Sygn. 881. К. 97], — с сожалением отметил дипломат.

Предложение Константинополя об отправке специального делегата в Польшу было воспринято Барановским с осторожностью. Он считал, что это напоминает попытки вмешаться во внутренние дела государства, несмотря на то, что такой делегат «мог бы достаточно легко быть убежден через МИД, или, прямо скажем, “перекуплен”» [1. Sygn. 881. К. 96], дипломат не исключил, что при определенных обстоятельствах визит представителя Фанара в Варшаву мог иметь нежелательные последствия. Вопрос о личности будущего посланника также вызывал у Барановского опасения. Патриарх Мелетий рассматривал двух возможных кандидатов: кто-нибудь из Лондона (скорее всего, им должен был стать митрополит Фиатирский Герман (Стринопулос))⁷, или кто-нибудь из

⁴ Письменное обращение польского правительства с просьбой об автокефалии, выдержки из конституции Польши, касающиеся национальных меньшинств, краткий экскурс в историю вопроса о польской автокефалии, включая информацию о переговорах с патриархом Тихоном.

⁵ В. Барановский имел в виду Киево-Литовскую митрополию.

⁶ Решение собора епископов Польской православной церкви от 14 июня 1921 г. было подписано только тремя из семи действующих в то время в Польше православных иерархов.

⁷ В апреле 1922 г. в Европе была учреждена епархия Константинопольского патриархата — Фиатирская митрополия, экзархат Западной и Центральной Европы с центром в Лондоне для православных приходов, находящихся вне границ поместных автокефальных Церквей.

константинопольского Синода. Польский дипломат опасался «подозрительных переговоров» [10. Р. 270—300], проходивших в то время между Фанаром и Англиканской церковью, и считал, что через кандидата из Лондона Польская церковь могла бы попасть под политическое влияние Великобритании [1. Sygn. 881. К. 97]. Международная обстановка в условиях борьбы Польши за восточные границы складывалась таким образом, что Великобритания, выступавшая за сильную Германию и слабую Польшу, скорее была ее противником, чем союзником. В связи с этим прибытие в польскую столицу представителя Фанара, имевшего тесную связь с Лондоном, никак не отвечало геополитическим интересами Второй Речи Посполитой. Позицию Барановского поддержали в Варшаве. МИД согласился на приезд делегата при условии, что будет подобрана кандидатура не из Лондона. Министерство также разделяло точку зрения, что Фанар предпринимает попытку вмешаться во внутренние дела Польши, но, поскольку обсуждение этого вопроса на настоящий момент было единственной базой для продолжения переговоров с Мелетием IV, МИД не хотел от него сразу отказываться. Министерство попросило по возможности затягивать согласование даты визита представителя патриархата в Варшаву [1. Sygn. 881. К. 110]. С одной стороны, это было связано с обострением военной ситуации в Малой Азии⁸ и возможным низложением патриарха Мелетия. Польский МИД отметил, что разрешение на приезд делегации является некоторой тактической уступкой патриарху, которому сейчас больше чем когда бы то ни было необходимо поднять свой престиж [1. Sygn. 881. К. 109]. МИД выражал надежду, что, пока в связи с военными действиями в Малой Азии, позиции Мелетия в Турции остаются шаткими и, возможно, он захочет их упрочить. Этот момент, по мнению министерства, необходимо было использовать с целью изыскания благоприятного для Польши решения относительно автокефалии. МИД считал, что сам факт переговоров в случае падения Константинопольского патриархата можно было бы использовать как прецедент и основание для переговоров с другими восточными патриархами [1. Sygn. 881. К. 111]. С другой стороны, затягивание отправки делегации в Варшаву было необходимым в связи с предстоящими выборами в польские сенат и сейм, которые должны были пройти в ноябре 1922 г. Если бы на выборах победили правые во главе с национальными демократами, сторонниками принципа «Польша для поляков» и «поляк = католик», то страна стала бы ареной острых межнациональных конфликтов, которые серьезно дестабилизировали бы внутривосточное положение [11. С. 299—303].

МИД в письме Барановскому специально высказался по вопросу исторического права Константинополя начальствовать над Польской православной церковью. По мнению министерства это утверждение не могло быть принято к рассмотрению, поскольку «в свое время Константинопольский патриархат лишился этого права в пользу России, следовательно его притязания не доказываются ни исторически, ни юридически». МИД отметил, что любые попытки передать Польскую церковь под юрисдикцию Фанара вызовут сильный протест православной общественности, которая увидит в нем недружественную

⁸ С 1919 по 1922 г. в Малой Азии шли боевые действия между греческой армией и возглавляемыми Мустафой Кемалем турецкими вооруженными силами, которые после двух лет изнурительных боев одержали окончательную победу в сентябре 1922 г. 11 октября 1922 г. страны Антанты подписали Муданийское перемирие с турецким правительством кемалистов, к которому 13 октября присоединилась и Греция, что стало окончанием греко-турецкой войны. 1 ноября 1922 г. в Турции был упразднен султанат и высшая власть в стране перешла к главе Великого национального собрания М. Кемалю.

политику польского государства в отношении меньшинств. Этот вопрос министерство рекомендовало исключить из переговоров с патриархом Мелетием.

Пожелание патриарха, чтобы собор православных епископов Польши обратился непосредственно к нему с просьбой дать благословение, также показалось МИД неприемлемым, поскольку оно, с одной стороны, нарушало права польского государства, а с другой, являлось в некоторой степени признанием власти Константинопольского патриарха. «Возможно, что Мелетий этим всем и занимается, — писал Нарутович. — И что он желает хотя бы таким косвенным образом утвердить провозглашаемые им исторические права» [1. Sygn. 881. К. 110].

Предложение «выкупа» автокефалии было озвучено членом польской делегации К. Рыбинским на совместном информационном заседании 6 сентября 1922 г. с участием митрополита Никейского Василия (Георгиадиса), первого драгомана патриархата С. Константинодиса и юридического консультанта польской делегации некоего Папазяна [1. Sygn. 1003. К. 59]. Аргумент «выкупа», по сообщению К. Рыбинского, произвел большое впечатление на представителей патриархии, но во время следующих визитов к патриарху Барановский не почувствовал у него никакой заинтересованности к этой стороне дела. Ни разу не был поднят этот вопрос и его окружением. «Видимо, последовал приказ (*nastąpił rozkaz*) об этом не упоминать» [1. Sygn. 1003. К. 60], — с сожалением сообщил польский дипломат. Переговоры грозили зайти в тупик.

Заседание Священного синода Константинопольского патриархата, на котором были рассмотрены полученные через Барановского документы, состоялось 7 сентября 1922 г. В протоколе заседания зафиксировано, что Синод заслушал резолюцию польского епископата от июня 1922 г., рассмотрел точки зрения польского правительства и московского патриарха Тихона по вопросу автокефалии⁹ и постановил, что не может выразить своего мнения на основе предоставленных данных и считает необходимым отправить в Польшу специальную комиссию, которая дополнит имеющуюся информацию [1. Sygn. 1003. К. 63]. Решения Синода патриарх Мелетий переслал Барановскому. В сопроводительном письме он выразил великую радость, что Константинопольская церковь спустя столетия дожидается до того дня, когда она в качестве матери Церкви Восточной и Северо-Восточной Европы возобновит свои отношения с Польшей [1. Sygn. 881. К. 113].

16 сентября 1922 г. В. Барановский встретился с начальником польского государства маршалом Ю. Пилсудским во время посещения последним Румынии. Проинформировав его о трудных переговорах с патриархом Мелетием, который пытается подчинить себе Польскую церковь, дипломат уточнил, не считает ли маршал возможным пойти в этом вопросе на соглашение с патриархом и таким образом окончательно оторвать польских православных от Москвы. Но Пилсудский в категоричной форме потребовал независимости Польской православной церкви и в случае если не удастся достигнуть договоренностей с патриархом, приказал прервать переговоры [12. S. 169].

В рамках подготовки визита делегата Фанара в Варшаву Барановский отправил 29 октября 1922 г. письмо патриарху Мелетию, в котором подтвердил получение синодального решения от 7 сентября и сообщил, что передал документы польскому правительству для дальнейшего обсуждения [1. Sygn. 881. К. 115]. На следующий день в рапорте в Варшаву Барановский предложил временно

⁹ Точка зрения патриарха Тихона была изложена польскими дипломатами в документах, переданных на рассмотрение константинопольскому Синоду.

прекратить переговоры об автокефалии в Константинополе, начав немедленные переговоры о признании независимости Польской церкви в Бухаресте¹⁰ и Белграде. Дипломат сообщил, что позиция патриарха Мелетия в отношении автокефалии Польской церкви не только не изменилась в ходе переговоров, но, напротив, четко обозначилась с точной оценкой тех выгод, которые он надеялся получить от соглашения с польской стороной. Польский дипломат отметил, что патриарх мечтает «о возвышении Константинопольского патриарха в положение папы. [...] В первую очередь Мелетий хочет раз и навсегда покончить с равнозначностью патриархов Русского и Константинопольского. Поэтому он не хочет трактовать этот вопрос (о предоставлении автокефалии Польской церкви. — *А. Ч.*) как вопрос между Польшей и патриархатом, а только как спор между православными Польской и Русской церквями, в котором он является верховным судьей, от которого зависит приговор. Таким образом, примат Константинополя над Москвой будет четко задокументирован» [1. Sygn. 1003. К. 60]. По словам дипломата, патриарх Мелетий рассчитывал на вхождение Польской церкви в прямую юрисдикцию Фанара с возможностью в будущем получения ею автокефалии, что, как отметил Барановский, было в духе внешней политики Вселенского патриархата, который стремился к ограничению уже существующих автокефалий и подчинению независимых Церквей Константинополю. Поляки хорошо разобрались в этом основном направлении политики Фанара. По словам польского дипломата Я. Стшембоша, посетившего Стамбул в период переговоров с патриархом Мелетием, чем более неуверенным патриарх чувствовал себя в Константинополе, тем больше пытался повысить «вес своей должности вовне», заботился об «увеличении своего влияния и авторитета в сфере международных отношений» и рассматривал их «как возможность резерва на случай слишком неблагоприятного для себя положения дел в Константинополе» [1. Sygn. 1003. К. 141]. Стшембош считал, что патриарх не будет долго упорствовать, так как понимает, что сопротивление в вопросе польской автокефалии не принесет ему никакой пользы, потому что польское правительство может начать переговоры с главами других местных Церквей, в обход непримиримого Фанара.

Таким образом, материалы источников хорошо демонстрируют, что Константинопольский патриархат планировал использовать польский вопрос для продвижения своего лидерства в Православной церкви. Это направление внешней политики Фанара, как было верно подмечено Стшембошем, базировалось на «формальном подчеркивании псевдоисторических полномочий» [1. Sygn. 1003. К. 142–143] Константинопольского патриархата в отношении Польской православной церкви. А в Варшаве очень трепетно относились к историческим претензиям Фанара, поскольку они противоречили тем целям, которые ставили польские власти — организовать полностью независимую от внешнего влияния Православную церковь. Поэтому польское правительство

¹⁰ Осенью 1922 г. такие переговоры в Румынии действительно начались. Польский посол в Бухаресте обратился к примасу-митрополиту всея Румынии Мирону (Кристя) о признании автокефальной Православной церкви в Польше и ее благословении [1. Sygn. 214. К. 6]. И духовенство, и румынское правительство отнеслись к идее польской автокефалии доброжелательно. Синод Румынской православной церкви принял к сведению изменение организации Православной церкви в Польше и возвышение ее предстоятеля в достоинство митрополита [1. Sygn. 1001. К. 3; Sygn. 881. К. 127; Sygn. 1001. К. 4]. С одной стороны, это соответствовало духу антисоветской направленности политики Румынии, выраженной польско-румынским договором о союзе 1921 г., с другой стороны — антиканонической деятельности Румынской православной церкви, которая в 1918 г. без предварительных сношений с Московским патриархатом включила Кишиневскую епархию в свой состав, преобразовав ее в Бессарабскую митрополию.

в ходе переговоров с патриархом продолжало последовательно отстаивать тот факт, что Польская церковь является частью Московского патриархата, а Константинополь ни юридически, ни исторически не может выдвигать претензии на часть Русской православной церкви.

После завершения ноябрьских выборов в Польше правительство было, наконец, готово принять делегацию Фанара в Варшаве, о чем Барановский сообщил патриарху Мелетию в письме от 23 ноября 1922 г., в котором просил назвать имя официального посланника, чтобы начать непосредственную подготовку к его визиту в Польшу [1. Sygn. 881. К. 116]. На следующий день, 24 ноября 1922 г., дипломат посетил патриарха для окончательного выяснения позиции Фанара относительно автокефалии Польской церкви. В ходе встречи Барановский обсудил с патриархом личность делегата. Вначале Мелетий IV предложил отправить в Варшаву главу Фиатирской митрополии митрополита Германа (Стринопулоса), одного из сторонников сближения между Православной и Англиканской церквями. Когда Барановский, согласно инструкции МИД от сентября 1922 г., отвел эту кандидатуру, патриарх предложил бывшего местоблюстителя Константинопольского патриаршего престола митрополита Николая (Саккопулоса). Эта фигура получила одобрение, поскольку митрополит Николай считался среди польских дипломатов сторонником автокефалии Польской церкви, что, по их мнению, продемонстрировали переговоры В. Йодко-Наркевича, проходившие в 1921 г. [1. Sygn. 1003. К. 142]. Сопроводить митрополита должен был секретарь патриаршей канцелярии Христо Папаиоанну¹¹. В рапорте от 6 декабря 1922 г. Барановский сообщил, что планирует убедить митрополита Николая в необходимости автокефалии еще до его отъезда в Польшу, надеясь, что он окажется не таким стойким, как патриарх Мелетий. В Варшаве начали подготовку к визиту. Предполагалось придать ему наиболее торжественный и официальный характер, чтобы расположить делегата, поскольку он, как всякий восточный человек, очень чувствителен к форме и протоколу [1. Sygn. 1003. К. 143]. В конце декабря состоялся обмен телеграммами Барановского и Министерства иностранных дел [1. Sygn. 882. К. 123–124]. МИД указал, что представитель Фанара будет гостем польского правительства, которое возьмет на себя покрытие всех расходов.

Однако в планы польского правительства и Фанара внесла коррективы международная обстановка. 20 ноября 1922 г. начала свою работу Лозаннская мирная конференция, которая была созвана западными державами для решения ряда важных вопросов международного значения, подготовки нового мирного договора с Турцией, а также для урегулирования греко-турецких отношений по итогам войны в Малой Азии 1919–1923 гг. Во время обсуждения двухстороннего греко-турецкого соглашения об обмене населением в декабре 1922 г. турки заявили, что согласятся частично сохранить греческое население в Стамбуле в обмен на ряд уступок со стороны европейских держав. Одним из условий турецкой стороны было удаление из Стамбула Константинопольского патриархата [14. Р. 331].

В связи со сложившейся ситуацией в письме к МРИиНО от 29 декабря 1922 г. МИД уведомил, что приезд делегата Фанара из-за неурегулированности

¹¹ Христо Папаиоанну – великий протонотарий патриаршей канцелярии, кандидат богословия Петербургской духовной академии 1895 г. Архиепископ Алексей (Громадский) в труде, посвященном истории Польской церкви в 1920-е годы, указал другое имя (фамилию) секретаря патриархата, который должен был прибыть в Варшаву – Мандринос [13. С. 69–70]. Выяснить личность Мандриноса в рамках настоящего исследования не удалось.

положения Константинопольского патриархата в Турции был отложен до окончания Лозаннской конференции. Вместе с тем МИД сообщил о необходимости продолжить подготовку к приему представителя Фанара и запросить в министерстве финансов кредит в размере 30 000 фр. на расходы, связанные с прибытием почетного гостя и его секретаря. Указанная сумма должна была покрыть дорожные расходы, а также пойти на необходимые подарки и другие траты [1. Sygn. 1001. К. 86–89]. Тем временем 10 января 1923 г. в Лозанне удалось снять с повестки дня вопрос о патриархате после того, как турки согласились отозвать свое требование о прекращении его деятельности, выдвинув одно условие – удаление Мелетия IV с патриаршей кафедры. Понимая, что его дни в Константинополе сочтены, патриарх спешно попытался реализовать свои инициативы, в том числе и в отношении Польши.

В феврале 1923 г. митрополит Георгий (Ярошевский) был убит противником автокефалии архимандритом Смарагдом (Латышенковым), и на Варшавскую кафедру был поставлен архиепископ Дионисий (Валединский). Патриарх Мелетий в письме от 13 марта 1923 г. благословил избрание архиепископа Дионисия предстоятелем Православной церкви в Польше [15. Σ. 137; 16. С. 18], хотя формально новопоставленный митрополит находился в юрисдикции Русской православной церкви. Между ними завязалась интенсивная переписка, в ходе которой патриарх Мелетий подтвердил скорую отправку в Варшаву своего представителя [15. С. 137; 16. С. 18; 17. С. 1; 18. С. 19].

27 марта 1923 г. Константинопольский патриархат уведомил Барановского об изменении состава делегации. В связи с плохим самочувствием митрополита Николая он был заменен на митрополита Неокесарийского Агафангела (Константинидиса) [6. S. 73].

Однако отправка делегации в Польшу так и не состоялась. 10 июля 1923 г. патриарх Мелетий вынужденно покинул Константинополь, назначив митрополита Кесарийского Николая (Саккопулоса) председателем Священного синода на время отсутствия патриарха. В августе того же года эмиссар польского правительства Станислав Гемпель посетил заседание Синода в Фанаре, где вновь был поднят вопрос о визите представителя Фанара в Польшу. Польское правительство настаивало на том, чтобы члены этой делегации непременно входили в состав Священного синода Константинопольской церкви. Однако иерархи ответили, что состав делегации будет определен после избрания нового патриарха. Если же правительство сочтет необходимым немедленное прибытие посланников из Константинополя, то Синод готов был назначить опытного и квалифицированного священника, но не входящего в состав руководящего органа патриархата [6. S. 74]. Очевидно, что компромисса в этом вопросе достигнуть не удалось. В дальнейшем обсуждение вопроса об отправке в Варшаву делегата Фанара прекратилось. Отсутствие в архивных документах донесений дипломатов из Константинополя позволяет предположить, что переговоры об автокефалии были приостановлены польским правительством вплоть до выборов нового патриарха.

Таким образом, стоит отметить очень трезвую оценку, которую поляки давали патриарху Мелетию и патриархату в целом. Польское правительство с одной стороны планировало использовать неуверенное положение Константинопольского патриархата в Турции и создать ему условия для укрепления авторитета, с другой стороны, не хотело признавать его вселенские претензии, которые сам Константинопольский патриархат продвигал для решения собственных проблем. Оно, очевидно, боялось, что в таком случае поменяет

зависимость Польской церкви от Москвы на зависимость от Константинополя, тем самым главная задача, а именно создание независимой православной церковной структуры в Польше, не будет достигнута. Очевидно, что неготовность сторон к компромиссу в конечном счете привела к задержке издания тома об автокефалии Польской церкви, которое могло произойти уже в 1923 г. В дальнейшем именно слабость позиции Константинопольского патриархата позволила добиться благословения на автокефалию от патриарха Григория VII в 1924 г., когда денежные аргументы польского правительства перевесили стратегические интересы Фанара.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Archiwum Akt Nowych. Warszawa. Zesp. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego.
2. Εἰδήσεις. Ὁρθόδοξοι Πολωνίας // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1921. 8 V.
3. Ἐν Κων/πόλει // Νεολόγος. 15(2).05.1921.
4. Православная Церковь в Польше // Последние Известия. 1923. 4 V.
5. *Святич А.К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии: 1917–1950. М., 1997.
6. *Borkowski A.* Między Konstantynopolem a Moskwą. Źródła greckie do autokefalii Kościoła prawosławnego w Rzeczypospolitej (1919–1927). Białystok, 2015.
7. *Papierzyńska-Turek M.* Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918–1939. Warszawa, 1989.
8. *Ермилов П.В.* Происхождение теории о первенстве Константинопольского патриарха // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 51.
9. *Anastassiadis A.* Un «Vatican anglicano-orthodoxe» a Constantinople?: Relations inter confessionnelles, êves impériaux et enjeux de pouvoir en Méditerranée orientale a la fin de la Grande Guerre // Voisinages fragiles: Les relations interconfessionnelles dans le SudEst européen et la Méditerranée orientale 1854–1923: Contraintes locales et enjeux internationaux / Éd.A. Anastassiadis. Athènes, 2013.
10. *Geffert B.* Anglican Orders and Orthodox Politics // The Journal of Ecclesiastical History. 2006. Vol. 57. № 2.
11. *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. М., 2008.
12. *Baranowski W.* Rozmowy z Piłsudskim. 1916–1931. Warszawa, 1938.
13. *Алексий (Громадский), архиеп.* Из истории Православной церкви в Польше за десятилетие пребывания во главе ее Блаженнейшего митрополита Дионисия (1923–1933). Варшава, 1937.
14. Lausanne Conference on Near Eastern Affairs (1922–1923). Records of Proceedings and Draft Terms of Peace. London, 1923.
15. Ἡ ὑπὸ τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου κύρωσις τῆς ἐκλογῆς τοῦ Ὁρθοδόξου Μητροπολίτου Βαρσοβίας καὶ πάσης Πολωνίας Κυρίου Διονυσίου // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1923. 12 V.
16. Телеграмма Константинопольского патриарха Митрополиту Дионисию // Вестник православной митрополии в Польше. 1923. № 5–6.
17. Письмо Высокопреосвященного Митрополита Дионисия Святейшему Мелетию IV, Патриарху Константинопольскому // Вестник православной митрополии в Польше. 1923. № 9.
18. Письмо Святейшего Патриарха Мелетия IV Высокопреосвященному Митрополиту Дионисию от 24 апреля 1923 г., за № 1860 // Вестник православной митрополии в Польше. 1923. № 11–12.